

и излывы радостей существующих на нас обстоятельств, собственными привычками, характером, различными инстинктами и соображениями. Нормисен ли явилась весь вопрос о свободной воле? По мнению многих: решение; по мнению Д.С. Милля: нет, еще пока решения одна половина вопроса — отрицательная; пока сказано, что принимается как бы существование, вернее наличие вынужденных, воображаемых. Но не решено еще, что нужно принимать по отношению воображаемой метафизики свободной воли. По мнению многих, нужно принимать безусловную необходимость, если иметь в виду, что свободной воле, то все действия человека происходят по безусловной необходимости. Тогда формулы: «все действия происходят по необходимости» и «все действия происходят по необходимости».

Существовали так называемые детерминисты, которые признавали, что все наши действия предопределены до нашего рождения, так что, если бы мы обладали всеведением, то знали бы наперед все наши действия. Существовали и существующие критики, признающие и отрицающие свободу судьбы и случая. Все, что случается, случается неизбежно, так что невозможно противиться. Тогда, что делать: оно будет сколько бы мы не сопротивлялись. В таком случае анализ понимать необходимость? Мы привыкли соединять в своем предположении с терминами: детерминизм и indeterminизм известные религиозные учения, которых не касаются мы, так как мы исповедуемся отнюдь в роковой. Но также понятие из религиозных учений переносить в метафизику под разными видами и названиями, заправлять и руководить нашими действиями на

действительности и наглядности существования. Это все уменьшающаяся доля
 факла прохитало бывшая когдато религиозных, ^{идеи}
 стилистическая кь какому то типу истинных и повсюду
 являясь теоретическая и кь фактически истинной, на
 историческое существование. Возмозжно для примера и того
 рический идеал искомый Зетала; образная кь теория по-
 стройникого и неопределенного ^{процесса} процесса в истории. Идеа
 постройникого ^{процесса} процесса, существенная до крайности, всецело
 кь тому же детерминизму в истории. Кь тому же сущест-
 вующей энергии, направленной кь движению прогресса в
 развитии, когдато этот прогресс совершится сам со-
 бою необходимо? Съ точки зрения эмпирической еднор-
 мизма и сего регресса немыслим в истории, хотя бы
 он был и временный. Но образная кь болве и болше
 учению нецессаризма. Нецессаризм прохитало
 что, что в мире все происходит по неизменяемому
 законам природы. Но оковы не что то в человеческой
 истории. Нецессаризм болве свободен от метафизики,
 но иногда и сюда проникает метафизика и не менее
 ложна, как и другая. Некоторые (Оуэн) рассуждают
 таким образом: наши чувства зависят от на-
 шего характера, а наш характер от организации,
 от воспитания, от окружающей среды. Значит, наша
 природа такова, воспитание и обстоятельства тако-
 во, что они наши характер, что что не ничто и не мало
 сущее, что все мы чувствуем и испытываем
 и, что как чувствуем и испытываем; и потому
 наши немогут воспринять и сего наши чув-
 ствовать и испытывать так, как сущая и сущая
 она наша натура в сию организацию, привычку,
 воспитание и сего. Это великое заблуждение
 ввиду Милля. Необходимость понятия в сию организацию
 роком, неограниченно мысли; она признает

безусловными фактами. Действительно, существует безусловная необходимость, каковы напр-еянные движущиеся необходимости. Если кто и будет непонимать эти, то необходимо верить. Но есть и такие естественные необходимости, которые постигаются безусловными и протрастными необходимостями, напр смерть от холода. Стрижавший лезь необходимо верить, если не будет чаша ему противоиде. Это если не позволять насильно чужданным фактически необходимость безусловную и естественную. Столкнувшись с этим, что претит действительности безусловных необходимостей, за которыми безусловность теряет свое значение (Естественные науки отводились от этого довода справедливость сейчас выказанного толкования относительно необходимости). Вода состоит из водорода и кислорода. Чтобы из кислорода и водорода составилась вода, необходимо из них извлечь определенные пропорции того и другого, иначе в результате мы получим воду. Но естественные законы организма не представляли себе (определенный прототип) знание необходимостей в опыте дасть нам возможность вторгаться в естественное течение вещей и до какой степени видоизменять это течение. Но какими образом мы можем вмешиваться? Непосредственно волею которая сама по себе есть, а при помощи той же естественной необходимости. Получая в свое распоряжение движущиеся необходимости, мы в точности взаимодействуем в зависимости от них. Мы наперед должны изжить эти необходимости в опыте, чтобы еще при рождении, овеива, законит, только при ознакомлении мы можем еще удовлетворять и рассуждая над ними, беспорядочно ими, мы должны при этом соблюдать их и лишь и подчинялись им природе и законам.

«Словом же — воспринимать и истолковывать природу можно только господ-
ствующей над нею и понимать ее.» говорить Бэконъ; но это онъ
можетъ сказать лишь настолько, насколько фактически и ин-
тенсивно проявляется ее порядок; во всем остальном онъ не способен
ни понять, ни объяснить. Это возможно для насъ во внешней при-
роде, тогда с определенной степенью возможно для насъ и в на-
шей чувственной и нравственной природе. 1) Здесь сформиро-
ваны, какъ и въ физической природе сущностные и модаль-
ные функции, такъ и рефлективные движения и непрерыв-
ные ассоциации. 2) Здесь такъ же какъ и въ физической
природе безусловная необходимость простирается только
до известныхъ предѣловъ. Возникавший мораль въ советъ
исключенное исключение. Но никакъ не моральны мы не управ-
лялись абсолютно. „Причины, отъ которыхъ зависитъ
действие никогда не бываютъ, говоритъ Милль, непреодо-
лимы. Всякий данный результатъ необходимъ лишь
тогда, когда причины, которые стремились его произвести,
не встретились противостоятелю. Конечно, никто не
сможетъ сомнѣваться въ томъ, что все, что бы ни случилось,
не могло происходить, если бы было много такого, что
способно было помешать случившемуся.“ 2) Истинный харак-
теръ, который выражается не нами, а волею, безъ насъ,
организацией, воспитаниемъ, не есть помыселъ Милля, и
то немыслимое. Для насъ возможно изменение его только
в определенной степени. Кто не можетъ отказаться отъ изменения
своего характера, тотъ долженъ помнить, что онъ
можетъ допустить лишь непереводную волю, а если
упреждение и упреждение, тогда и тогда и тогда
необходимость этого необходимости.

1) «иныхъ терминъ» необходимость, въ ней абстрактно,
и себя терминъ определенности и ясности, какъ и другая
выше разобранный: «необходимость воли» Разборъ термина

„необходимость“ показала, что свобода и необходимость не-
 противоположны друг другу и не исключают друг друга.
 Ассоциация между необходимостью и свободой, сложившая-
 ся когда-то и перешедшая к намъ по наследству
 отъ нашихъ предковъ. Свободу можно и необходимо
 считать противоположными въ абстракции сущности
 или и тамъ вставили вопросъ о возможности
 не только вранья, выходящий изъ ряда разностей
 спорить, которые образуютъ вранья въ мышлении. Это
 решение этого вопроса въ теории не представляетъ
 трудности, которые вступаютъ въ абстрактное
 мышление. Въ анализъ вопросъ ставится такъ: обра-
 зуютъ ли мы-вы свободу и необходимость? Или-вы
 если-вы несуществующую необходимость? Ответъ на
 этотъ вопросъ долженъ быть отрицательный. Это
 означаетъ, что свобода и необходимость? Зна-
 читъ необходимость, чрезъ которую мы получаемъ
 возможность отказаться отъ необходимости; составивъ
 и отказаться, отключить отъ насъ изъ насъ другими
 людьми обратимъ къ тому, что бы существовало
 свободно, нужно ли человеку: а, нужно, чтобы существо-
 вали необходимость или неименитъ посылать
 тальности и, нужно, чтобы мы ихъ знали и учили.
 Это значитъ, что мы имеемъ уверенность въ нашихъ
 действияхъ и устройстве сознания въ насъ и каковы
 въ действияхъ. Если-вы несуществующую необходи-
 мости, то мы ни на минуту не будемъ уверены въ
 томъ, что мы делаемъ или не делаемъ. Стало
 бы обращая къ нашимъ ощущениямъ и чувствамъ, что бы
 существовало въ насъ. Сказано, что владеть чув-
 ствомъ, или нечувствиемъ пригласить первый аппаратъ,
 регулирующей движения человека, поучающаго
 его. Человекъ въ своемъ движении и мышлении,

[illegible]

интересовъ, произвѣсь ихъ характеромъ. Если существуютъ
иная изъ которыхъ средства къ сдѣланію на характеры другіе,
то почему же не могутъ тѣ же средства быть направлены
такимъ или инымъ образомъ, если мы хотимъ измѣнить въ извѣст-
ныхъ предметахъ нашъ совершенный характеръ? Мы способны регу-
лировать мысли на самихъ себѣ, способны рассматривать
себя какъ предметъ, объективировавъ себя и сравнивая себя въ раз-
ныхъ, какъ мы сравнивали одинъ предметъ въ разнѣхъ пред-
метовъ. Почему мы не можемъ приложить извѣстный способъ
сдѣлать къ себѣ, какъ мы приложили-бы его къ другому, подоб-
ному субъекту? Если все это практическое въ жизни со извѣстной
степенью, но крайняя теорія возмущающаго игнорируетъ
противорѣчія ея иудейскіе страхы.

Дж. Ст. Милль оставляетъ въ сторонѣ эмпиризмъ и психо-
логию и ищетъ психологію практическую, полезную въ жизни,
какъ стремились изъясниться въ разнѣхъ воззрѣніяхъ
англійскихъ психологовъ. Нужно искать необходимыхъ явленій
или законы психической жизни, дабы имѣть возможность
ихъ въ жизни проводить. Милль сильно занятъ практичес-
ными вопросами. Но его взглядъ, психологія обладаетъ пониманіемъ
подлежащихъ характеровъ и даетъ возможность изъяснить психологію
или науки о характерѣ, а это является извѣстнымъ объектомъ
нашихъ явленій. Въ общественныя явленія суть явленія
человѣческой природы, говоритъ онъ, поражающая сдѣлать
визуальныхъ объектомъ на массы людей; следовательно явленія
человѣческаго общества, производящая сдѣлать подчинен-
ны неслучайнымъ законамъ, то явленія въ общество явленія
суть быть подчинены неслучайнымъ законамъ, явленія
являются изъ предшествующихъ. Онъ считаетъ, что изъясненіе извѣстныхъ
нашихъ характеровъ и общественныя явленія трудно, но
невозможно. Искать въ жизни отъ возможности тѣхъ
явленій, съ которыми имѣемъ возросъ сдѣло. Но его взглядъ

ценно, изъ трехъ наукъ: психологич., этичич. и социалогич. психологич., изучающая простыяшіе законы души, кое-что сдѣлала; эволюціо психологич. науки еще создавать, воспроизводящія естественными обобщеніями, которыя сдѣланы чело-вѣкомъ въ практическомъ наблюдении. Наука стремилась от-крыть первичныя, непроницаемыя законы. Но пока не открыты эти законы, для насъ бывають эмпирич. и вторичныя или эмпирическія обобщенія. Эмпирически, или производящіе законы приобретають нами раньше, чѣмъ первичныя законы, они изучають насъ чрезъ простое наблюдение. Первичныя законы тако требують анализа и эксперименту и потѣму изученіе ихъ сопряжено съ трудностями. Замѣтно напр. производящіе наблюдатели, что сильныя мускулы развивають эмпирич. организмическія составы. Это эмпирическое обобщеніе или эмпирич. законы: если являющіе потѣмъ повторять эмпирич. Замѣтно открыто, что въ то время, когда сильныя мускулы развивають на организ. ткани, то въ которыхъ составныя организ. ткани отбрасываютъ отъ себя и соединяются въ кислородъ. Это отбрасываніе изъ которыхъ и какъ производять рожденіе, а также и развиваніе тканей. Это еще болѣе общій, или первичный законъ, отъ котораго производять вторичный законъ — потерянныя организ. ткани отъ себя кислородъ. Механизмъ же отбрасыванія въ наблюдении замѣтно, что стѣнки отбрасываютъ и воочию контролир. неосторожности. Вотъ эмпирическое обобщеніе, сдѣланное въ анализѣ и характеристикѣ. Оно зависитъ отъ болѣе общаго закона. Вышего естественнаго закона болѣе осторожны — вотъ законъ болѣе общій, по которому стѣнки осторожны. Эмпирическіе законы болѣе тако бывають несомнѣнно вѣдѣны.

Какъ психологъ особенного швейцарскаго университета профессоръ вѣдѣтъ Бонн (Bonn), профессоръ вѣдѣтъ

гнать доктрину, как и Локка, провозгласить эмпиризм и у Ферриси и даже аналитическую теорию я, как и у Старшего Милля. Они призвали на помощь к разработке психологических вопросов сведения физики, химии и пр. Мы видели в истории психологии, что каждый из этих наук в отдельности влиял на разработку психологии. Были периоды восстановления влияния и перемены периодов, который выразился в начале века в отношении науки психологии к физиологии. Близко к этому новый шаг вперёд в истории психологии. Видим физиологических исследований на психологию представлялось для нас особенно важным в сравнении с предшествующими влияниями науки на психологию в том отношении, что это влияние много характера, так как происходило изнутри науки. Другие науки влияли на психологию внешне, а физиология — своим непосредственным; много вопросов физиологии и психологии и отношения этих вопросов должны быть совместные. (мы увидим много, как вопросы совместны у физиологии и психологии) Странно было замечать, что психологи и физиологи игнорировали физиологических исследований, но не спрашивали обобщать психологов в том, что они не физиолог и не физиология; мы спросили: так ли могли восполнить физиология психологи и физиологи напр. в 1870-х гг. Физиология последнего десятилетия столетия и окончилась в самом начале столетия. В то время, как Локк и Юм считали рациональный эмпиризм по тому, что бы обосноваться от метафизики в науку, в физиологии держали метафизические границы. Мы разумею то, что от физиологии, который непосредственно соприсоединялся к психологии. Собираем несколько исторических указаний,

хоть объяснить его строение. Среди медиков обратились к этой школе: школа атромопсихов и школа физиологов. В физиологии особенно важную роль играют души (Spiritus). Эти души долго служили объяснением физиологических явлений и тем самым в зрелости начали разлагаться на части. Но крайними из зооматериалистов была школа, то она была материалистична. Больше частью сгруппированы материалисты, но материя, которая составляет природу, есть единая тонкая и невесомая. Атромопсихическая школа под именем души рассматривала различные виды существ. После Ньютона физиологические явления объяснялись преимущественно механически в первом. Наоборот зрения Ньютона была школа атромопсихиков. В открытии электричества души превратились в электрические силы. Наконец явились школа витализма, которая в объяснении в организме приписывала непосредственно какой-нибудь души. Многие обратились к древней душе, дающей не только чувствительность и нравственную способность теловозка, но и все физиологические процессы, совершающиеся в организме, как-то: мышечное движение, питание, движение сердца и проч.

Среди этого толка в общении чувствительности и чувствительности и атромопсихическими принципами в физиологии изобретения Галлея явилась в 18 век. как бы искроуменьшение. Галлей пытался опровергнуть и опровергнуть из крыль раздражимость мышц, как бы опровергнуть существо или принадлежность. Он доказывал, что мышца чувствует и движется в первом. Мышцы имеют само движение раздражимость, которая есть и проявляется в зависимости от чувствительности первого и т.д.

мечте отягчена отъ первой силы. Она проявляется то, которое время после того, какъ нервы перестали существовать на существа. Это открылъ Галлера, давши толико объясненіи, что находится въ организмѣ нутренняго раздраженія (anexasitio) сомновидная, несомненно отъ духовнаго начала сила. С другой стороны эта сила представляла изъ себя своеобразное, специфическое, выводимое изъ законовъ метафизики. Галлеръ своимъ открытіемъ показалъ, доказавъ, что физиологическое требуетъ посредства нутренняго раздраженія, а выводило изъ априорныхъ началъ, каковы-ли были эти атома-духовныя или метафизическія. Низколько раньше Галлера говорилъ врачъ-философъ швейцарскій Ангильскій ареній Флиссонъ. Но это были еще весьма славы попытки опытныхъ изслѣдованій въ физиологии. Самъ Галлеръ находился отъ насъ почти вѣковыми априорныхъ принятій въ физиологии Лейбница. Онъ трактуетъ подобно метафизикамъ о мертвыхъ и живыхъ силахъ.

На воле полновидный путь изслѣдованія вступила физиология первой сферы въ концы въ началѣ 19 вѣка. Шют и Броуэка сформали наведеніи надъ рефлексами и произвольными движеніями и выдвинули способъ изслѣдованія первой системы. Связка изъ рефлективныхъ или произвольныхъ движеній. Рефлексы называются такое явленіе, когда за вызваніемъ рефлекса, тотъ-же слѣдуетъ существующее движеніе безъ вѣдѣнія субъекта или непредназначенія, или иначе: чувствительное раздраженіе переходитъ въ существующее движеніе; напр. въ раздраженіи внутренняго носа и зрѣній слѣдуетъ внутреннее невольное чиханіе, или хрюканіе и т.д. или капли воды попадетъ въ глазъ, и т.д. это немедленно выбрасывается

непроизвольнымъ движеніемъ мускульнымъ; если сдѣлать вѣстрое
 движеніе рукой наопазавъ другою, то послѣдуетъ непроизволь-
 ное мыханіе. „Обакиъ примѣровъ можно привести множество“,
 говоритъ Прохаска. Въсѣ они доказываютъ, что движеніе произ-
 ходитъ безъ вѣдѣнія волежнаго вълѣдствіи воли и мысли или соображе-
 ній, какъ бываетъ въ произвольныхъ движеніяхъ. Они подобны ре-
 флексивному отраженію, извѣстному египтянамъ „Впрочемъ,
 продолжаетъ Прохаска, рефлексы происходятъ непроизвольнаго
 вѣдѣнія, по которымъ чувъ отраженія равенъ чувъ паденія,
 противоизвѣстнѣе равно извѣстнѣе, но они различаются въ вѣдѣ-
 ній законѣ, наертанной на мозговой маскѣ чувствитель-
 ности (sensitivum), законъ котораго мы можемъ узнать только
 чрезъ его извѣстнѣе; при помощи же этого извѣстнаго различія
 открытъ нѣтъ неизвѣстнаго“ Обакиъ законъ чрезъ который оное
 чувствительное производитъ рефлексы отъ раздраженія извѣ-
 стнаго есть сохраненіе индивидуума или сохраненіе тѣлеси-
 ности Прохаска выражаетъ въ другомъ мѣстѣ.

Ноя дѣла, Прохаска говоритъ, что есть рефлексы сопровож-
 дающіеся сознательныи и есть рефлексы безсознательныи (vel
 anima insens, vel anima sensu); „Движенія сердца, желудка,
 внутренностей нѣхъ незавѣдѣтъ отъ сынауренной дѣла“ гово-
 ритъ Прохаска. Рефлексы совершаются неинате, какъ чувствитель-
 ности, такъ-же впечатлительнѣе произвождѣетъ непроизвольнаго
 чувствительнаго, тогда перейди въ рефлексивное дви-
 женіе. Прохаска отнимаетъ головной мозгъ отъ спящаго. Тогда
 ному слову принаблжаетъ чувствительныи оперенія, вѣдѣ-
 ній нѣхъ чувъ ощущающаго, въ спитиальнѣе вѣдѣ-
 ній, по совѣтвенному вѣдѣннѣ Прохаски. Въ расселетѣ
 впечатлѣнія непроизвольнаго вѣдѣннѣе отъ мозга, а только производя
 чувствительнаго, которое находится въ спинномъ мозгу и мѣстномъ
 мозгу. Завѣтъ Прохаска вѣдѣннѣе въ трудномъ вѣдѣннѣе
 вѣдѣннѣе, въ аныиъ ощущеніи (въ аныиъ сознательнѣе), отнимаю

[illegible]

Поли Прохаски пуживо казаје о Белл (Bell). Второй четверти изобличающаго столбца Бель создалъ важное открытіе, которое однесено къ его имени. Онъ открылъ вкорачивающіеся нервы, которые нервовѣтъ различными отравителями. Сеть нервы, которые, будучи симметризованы производятъ (ощущеніе) мускульное сокращеніе. Но такъ называемые чувствительные нервы. Мы только проследить ихъ въ (одномъ мускуле). (Живъ и въ органахъ чувствъ). Сеть другіе нервы, которые будучи симметризованы производятъ ощущение. Но такъ назыв. чувствительные нервы. Мы только проследить ихъ въ кожу и въ органы чувствъ. Наконецъ сѣ чувствительные нервы, которые производятъ отраженіе мускульное и ощущение. Но при послѣднемъ нервъ, не имѣющій нѣтъ, что сѣбѣ (волокна) ихъ находится въ однихъ однихъ стволѣ, въ чувствительности составляютъ два нерва, и много разное начало въ центрѣ различныя концы въ мускулахъ и кожи. Составившая на первомъ, выходящемъ изъ ст

ного мозга въ полноту въ 3^ю парю. Спинной мозг представляетъ въ себѣ сѣвъ половины такъ-же, какъ большой мозгъ два полушарія. Каждая половина выделяетъ отъ себя свои пары нервовъ; каждая пара выходитъ двумя корнями: однимъ переднимъ находится на задней сторонѣ, другимъ — на передней. Но выхоть задній и передній корни соединяются между собой, но длиннѣе изъ корней имѣетъ цѣпь или заднюю проводящую въ триггину. После соединенія сѣвъ корни идутъ однимъ стволомъ, разветвляясь и подразветвляясь, подобно вѣтвямъ дерева. Волокна одного корня переходятъ передъ иными сѣвомъ втегательнаго мозга, волокна другого способа только переходятъ втегательнаго мозга мускуламъ. Задній корень передаетъ ощущение и никогда возбуждаетъ произвольный мускулъ; передній производитъ сокращеніе мускуловъ и не передаетъ втегательнаго мозга. Это доказываетъ и экспериментъ.

Изъ вышеизложеннаго рефлексивныя движенія, по крайней мѣрѣ, происхожденія, продолжилъ Маршалъ Талль (Marshall Hall) Талль раздѣляетъ все движеніе на четыре класса и изъ нихъ только одному классу прилагаетъ названіе рефлексивнаго. Эти классы суть: а) произвольныя движенія, зависящія отъ большого мозга, б) произвольныя, зависящія отъ раздраженія мускульныхъ волоконъ в) рефлекторныя, г) движенія, зависящія отъ раздраженія нервныхъ окончаній отъ пунктовъ нервной системы къ мускуламъ и 2) рефлексы, зависящія отъ стиммуса нервовъ направилищаго движеніе въ центръ и нервовъ, возбуждающаго рефлексивное движеніе. Эти рефлекторныя движенія происходятъ тогда, когда втегательные, проводящіе на чувствительную поверхность, перешедъ чрезъ нервъ, способный къ возбужденію, къ стиммусу мозгу и отъсюда рефлексирующая назадъ на мускулы чрезъ сѣвъ

вытесняющий двигательный нерв. Это явление — рефлексивное, подобное обыкновенному механическому движению. Marshall Hall расширил и углубил рефлексивное ощущение. По его мнению, место ощущения находится в головном мозгу и заключается в ограничивающей доли спинного нервного сплетения. Только образцы, перенесенные в головной мозг и место ощущения, Marshall Hall установил несомненное существование спинного мозга: движения, зависящие от спинной нервной системы, чье рефлективное действие было в каждой зависимости от ощущения. Из этого опыта обобщения Marshall Hall в заключение пришел к Прохаски. Но перенесение ощущения в головной мозг с последствием отсюда вытекающим, доказавшее отчасти обобщение в заключение и справедливости Marshall Hall и то, что необходимость присутствия двигательного нерва чуждому, как предполагал Прохаски.

Наблюдения и экспериментальные исследования более и более шли к тому, что физиология материализм и поднимали физиологические явления к числу физических законов. Чтение ораторских, предложенное Marshall Hall, потерпело неудачу у физиолога Миллера. Но Миллер сражался и в конце концов добился к тому же результату. Он согласен с Hall в том, что отсутствие ощущения характеризует рефлективное движение, но прибавил к этому то, что при движении могут существовать и сопровождающие их ощущения. „Взгляд, хотя и дерзкий, тем не менее, говорит Миллер: раздражение чувствительных волокон спинного нерва не только возбуждает центростремительное движение первого принципа, передающее впечатление спинному мозгу; если центростремительное движение приводит

масса его обшлаго чувствительна, то результатом его будет ощущение; если же на основании описанной эмпирической массы оно нечувствительна в общем чувствительна, то употребить все свое влияние на спинной мозг, в обратном случае в результате может быть рефлективное ощущение.

Вообще мышление рефлексов привали Миллера к чувствительности, что мозг имеет своего собственного чувствительного производителя движения независимо от внешнего, а также независимо от сознательного начала. Ощущение нестает вперед, непредваряя движение, как причина движения; напротив, ощущение сопутствует независимому движению, совершая движение чрез самодвижущую энергию мозга. Это выражает Миллер в следующем слове: «ближайший источник произвольного движения находится в области зрительного представления его предмета; но произвольное движение выполняется зародышем раньше, чем предмету succeeds в чувстве; произвольное движение покоится в зародыше прежде, чем идея этого движения являясь воспринимать зритель. Зародыш движения состоит из форм элементов недея достигая предельной, но сформированно потому, что может двигаться. Знание положения, которое происходит чрез движение, получается постепенно посредством того, что само произвольное возмущение нервных окончаний всех важных предметов производить движение, перемещение положения и соответствующий зрительный ощущения. Механизм образцов создается в несовершенном и неглубоком смысле мышления»

известными раздражениями и известными движениями. Когда после того раздражения будет возбуждено в одной части тела, что стремился еще продолжать того, что произвольное движение, которое выполнялось после совершенно равное, продолжает влечь, которое было совершено раздражением. Зародыши в утробе матери движутся только теми силами, на которые действует материя (нервной энергии), а не внешними силами одновременно. Произвольные движения и движения должны развиваться таким-же образом. Атмиз, который является материя, принуждена выводить через инстинкты возбуждать нервы своих чувствительных мускулов к действию; таким образом производя звуки. Через повторение этого сильного приложения материя воли придает форму энергии соединить причину с произведенными действиями. Инстинкты атмиза по своему характеру и произвольного, и чувствительного атмиза из которого энергия в производстве известной деятельности в ребенке, который сам несет произвольности. В чувствительном и произвольном ребенке существует необходимый атмиз к движению сосания; порывистая сторона акта сосания соединяет себя с произвольными движениями?

Повидимому мне все можно означить, чтобы психологи принял участие физиолога, и строгого учения давая в произвольных действиях, так как, в представлении многих, психологи чрез это отказалась-бы от основного принципа своей науки. Бюль, будучи из известных современных представителей психологии, в своем психологическом труде в начале овозможивать именно из того положения физиологов, что мозг несет только пассива

ный восприниматель внешнего, а активный организм, источник самовольной силы, которая проявляется в организме. Д.С. Милль такъ говоритъ о своей теории: она поддерживается тѣмъ положеніемъ, что мозгъ не просто подвергается импльсациямъ, а есть самовольствующий интеллектъ, что нервные элементы, возбуждаемые мускулы въ двигательномъ процессе и въ томъ или иномъ смысле въ самомъ мозгу не безпримысли и хаотичны, а организованы импльсацией, но выражается чрезъ одну разницу телесной активности, которую обнаруживаетъ весь организмъ, то есть мышца и мозгъ едятъ въ случайныхъ движенияхъ, которые производятъ постоянно безъ всякой явной цели и намерения? Подобно физиологу Миллеру, Бэнъ принимаетъ въ организмѣ самовольную организующую силу и выводитъ ея дѣйствія отъ ощущений и другихъ психическихъ актовъ, болѣе того и сами движения происходятъ и производятся, говоря о нихъ, стимулами или иными словами, но Бэнъ считаетъ такъ, что движения происходятъ безъ всякаго стимула со стороны въ себя — изъ некоторой энергии самихъ нервныхъ центровъ или изъ некоторой внутренней стимуляціи. Это можно назвать независимую активность нервной системы. Существованіе этой независимой отъ ощущений активности мозга доказываютъ такіе факты, какъ активное тѣло назов. непроизвольныхъ (движений) мускуловъ, существующихъ для поддержания дыхания, для кровообращения и прот. Сюда же можно отнести продолженіе жизни, при которомъ движение, какъ можно съ достовѣрностію полагать, предшествуетъ ощущеніямъ, а такъ же чрезвычайную подвижность сердца и молодыхъ животныхъ, бодрость котенка;

и сознатель и еще его имеет еще. Известны графическая теория, по которой душа движется только производясь движением в организм. Теперь же теория поменьше материальности, если несовершенна уничтожена; по крайней мере науки не верят больше обращаться к нам для объяснения чуждых явлений. Дализ, который утверждает это положение, что все изобразительное (автоматизм) движения — сознательное и несознательное не говорят о непримитивном присутствии в нас психического элемента — несознательной воли, и несознательного представления (Bartholin Philosophie des Intellektuellen)

Итак живой организм есть сложный, движимый собою, но силой, которая действует ему извне. Это положение должно быть признано в принудительности, пока мы изолируем из организма психический элемент. Но на самом деле не можем изолировать психический; поэтому физиологи больше всего предпочитают говорить о психическом элементе. Физиолог Миллер говорит, что рефлективное движение может сопровождаться ощущением, хотя первое движено посылает, второе ли сопровождает его ощущением или не верит. В единственном случае положение психического элемента таково, что происхождение рефлективного движения вполне объяснено помимо ощущения; таким образом, рефлекс стоит вне всякой зависимости от психического элемента. Но не все движения животного таковы чтобы при их объяснении можно было не прибегать к психическому элементу. Поэтому, Миллер принужден часто говорить о том, (что) как в высодержательном смысле соединяется с чувством ассоциация между извешными ощущениями и известными движениями. Эта червенная ассоциация не осуществляется без влияния на закрепление известных сложных движений она составляет основу всех привычек или условий, закрепленных в нас.

происхожденный псих. движений от чувствости до старости
 больше относился къ психологии, а не къ физиологии. О
 машинѣ нельзя говорить, что она телу подобна, какъ
 мы говоримъ о ребенкѣ, что онъ целая охотрѣ. Въ вы-
 раженіяхъ: заученность, сноровеніе, память чувствования, умо-
 зажиточеніе, сноровеніе, отвлеченіе и т. д. неприменимы къ ма-
 шинѣ; они принадлежатъ еще нашему субъективному міру
 и являются только чрезъ сознание. Рассуждая о такихъ пред-
 метѣхъ, какъ память, умозажиточеніе и пр. проф. Сизеновъ от-
 рывается отъ познанныхъ измѣрѣній физиологии. Психологи
 давно занимались анализомъ сложнѣйшихъ явленій и до-
 стигли болѣе или менѣе обширныхъ измѣрѣній ихъ. Мы
 знаемъ-бы слышать отъ физиолога о томъ, какіе процессы
 совершаются въ мозгу, когда существуетъ нашъ разумъ. Но зна-
 ния говорятъ, что, пока измѣрѣнія остаются чисто
 на эмпирическомъ о сноровѣхъ состояніи нервного возбужденія.
 Принимая за основу чуждого центра, задерживающаго и ин-
 тегрирующаго рефлексы, я охоту чуждого измѣрѣнія, говоритъ
 проф. Сизеновъ. Присутствіе это въ высшей степени воз-
 мжно, но все таки еще неположительно доказано. Даже
 мысль, что первый центръ, связующій чувствующий нервъ
 съ движущимъ собою нервная клетка, представляется
 въ высшей степени вѣроятнымъ, но все таки эмпири-
 къ несомнѣно, свѣденія наши о первыхъ процессахъ, даже
 для случая наиважнѣйшихъ процессовъ, почти равны
 нулю. Въ виду этого необходимости пришлось писать
 о томъ, о чемъ трактуютъ психологи т. е. представляющаго,
 памяти, умозажиточенія и пр.

Былъ, отправляясь отъ того положенія, что организмъ
 собою прежде всего сложнѣйшій аппаратъ, движущійся
 собственною силою, доставляемый изумительнѣйшимъ
 дальнѣйшимъ, съ которымъ мы имеемъ въ виду

и для формирования, говоря иначе, с самого начала отчетливо и ясно от-
рабатывать отъ извѣстнаго влияния болѣеобразное различіе, сопровожда-
ющее все это, какъ необходимое возмущеніе ихъ. Этотъ
характеръ различія имѣетъ очень важенъ въ томъ отношеніи,
приводя къ дѣйствию возмущающаго тѣла: руки жестко крѣ-
пятся на шарнирныхъ механизмахъ, нижняя оконечность отбрасывается
назадъ, тѣловище и голова движутся разнотѣпными образами,
перты лица принимаютъ своеобразное выраженіе, голосъ ста-
новится глуше, дѣйствию мускуловъ дыханія усиливается. Про-
фессоръ и здѣсь проводитъ много много съ физическою мимикой
и указываетъ, что тогда такъ или иначе образъ отъ на-
лой причины создается сильнѣй болѣею перефразомъ чувствъ
на проводникъ проводя 10-ти проводовъ тачесть. Но въ чувствительности
и телосохраняющей машинѣ рѣшительнѣе дѣйствию имѣетъ
быть образованіе новаго, сложнаго, крѣпкообразнаго рефлек-
са, направленнаго къ самосохраненію и саморазвитію. По-
ставивъ, что животное испытываетъ сильнѣе физическую боль.
Оно вѣетъ, кричитъ, движется разнотѣпными движениями. Все это
рефлексы, возбужденныя стрѣлками. Они продолжаютъ
до тѣхъ поръ, пока сильнѣе движение не вызоветъ чувствъ
боли. Тогда является стремленіе продолжитъ облегчающа
движеніе или повторитъ его. Животное старается соединить
въ представленіи движеніе съ чувствомъ облегченія отъ
боли, дѣлаетъ повторенія боли. Устанавливается новый
рефлексъ, который животное испытываетъ и старается
и сдѣлать для себя привычнымъ. Когда послѣдующая боль
дѣлаетъ, новый рефлексъ становится крѣпко механическимъ
подобнымъ другимъ рефлексамъ. У взрослого человека
вырабатываютъ болѣе крѣпко механическое движеніе; но
де, лишь онъ сѣлалъ таковыя, онъ проходитъ черезъ психичес-
ный процессъ образованія. Подлинно, что въ немъ на-
мечу оцѣнку вотъ или такъ Бернса. Часть силъ машинъ
машинъ вынуждаютъ ее изъ паче, но сколько боли и

спасеній пригнѣта въстывшая въ палецъ Рукавжа
реднику прѣже, емъ онъ освободитъ свой палецъ отъ нея.

Инстинкты Нельзя сказать, чтобы терминъ инстинкты всегда
употреблялся въ одинаковомъ смыслѣ. Инстинктомъ называютъ
иногда просто привычку, иногда рефлективное движеніе. Большо-
му частію привычки понимаютъ терминъ инстинкты къ животны-
мъ животнымъ. Принято выражаться о животныхъ, что они сдѣлать
что по инстинкту; въ противоположность человеку, сдѣлать что
радо приписывающа Разуму, соображеніямъ, мысли. Конечно такое
отличіе сдѣлать животныхъ отъ сдѣлать человека кажется
несообразнымъ; но если думать, кажется охотѣ то, что ин-
стинкты и Разумъ различны между собою и сдѣлать по инстин-
кту нецѣлесообразно съ сдѣлать и по соображеніямъ. Мало
въ томъ, что это и другія — сдѣлать по инстинкту и сдѣлать
по соображеніямъ и имѣть то общее между собою, что это
и другія целесообразны, то и другія суть принадлежность
животныхъ существъ (о жизни ерѣ, что онъ падежъ кажется по ин-
стинкту) Цѣлесообразныя сдѣлать принаго вообще сдѣлать
происходящими изъ разумныхъ соображеній; изъ-то и принаго
навычекъ (цѣлесообразности) инстинктивныхъ. Иныхъ, напо-
чуждены языкъ подъ инстинктомъ различнаго типа сдѣлать
которые цѣлесообразны, но которые совершаются безъ ра-
ствѣ разума и соображенія. Но споривается: какъ поленить
появленіе въ животномъ существѣ инстинктовъ, какъ и отбрасыва-
являюща и что и въ принаго?

На инстинкты давно обращены вниманіе. И понятно. Су-
ществуетъ такая масса рассказовъ о удивительныхъ
сдѣлать. собою, и сдѣлать и такъ, муравьевъ, голубей,
моновъ и пр. Люди по себѣ знаютъ, что сдѣлать по
инстинкту часто гораздо лучше совершающа, что
сдѣлать обдуманныя, такъ-то сдѣлать и такъ.

мнѣніе, что безразличество размышленія въ крайней по-
стинителю не только неспособно, напротивъ вредитъ выш-
нему цѣ. Выше, что инстинктъ въ нѣкоторыхъ отелоческихъ
высше разума.

Догмались разумныя предположенія, строились разума
ныя гипотезы для объясненія протекающаго внетелеснаго
Пряжде всего въ инстинктивныхъ животныхъ видны непосред-
ственное дѣйствіе волеи. Этого взгляда мы встрѣчаемъ
въ 18 вѣкѣ. Напр. Декартъ въ старомъ богословіи душа животныхъ
называея инстинктомъ непосредственнымъ дѣйствіемъ волеи
свободной силы. Другіе, хотя и не называли инстинкта непосред-
ственнымъ дѣйствіемъ волеи, тѣмъ не менѣе недалеко от-
шли отъ этого взгляда на инстинктъ. Въ инстинктахъ выра-
жаея, по крайней мѣрѣ, непосредственное - чувственное и
мыслительное вліяніе волеи на природу тварей. Недалеко
отъ того же взгляда на инстинктъ отстоитъ и то ученіе,
по которому самымъ божесвымъ вліяніемъ въ природу тварей
хотѣе принуждены - чувственные и нравственные, ко-
торые инстинктивно проявляются въ тваряхъ. Зарѣе же
хотѣе сказать о томъ объясненіи инстинктовъ, которое даея въ на-
стоящее время, философія несознаваемаго (Philosophie
des Unbewussten). По объясненію этой философіи инстин-
ктивные дѣйствія имѣютъ своего причинаго дѣйствіе несо-
знаваемой воли и несознаваемаго представленія. Хотя
дѣйствіе воли и представленія въ инстинктивныхъ дѣй-
ствіяхъ не сознаея, то оно необходимо должно быть допу-
щено а priori посредствомъ умозаключенія. Гартманъ
аргументируетъ тѣмъ образомъ: все инстинктивное
дѣйствіе изъисходно, всякое изъисходное дѣйствіе
невозможно происходить иначе, какъ отъ воли и представ-
ленія, а инстинкты ея слѣдствіе непосредствен-
наго дѣйствія воли и представленія. Многократъ

свойстве воли и представляемая несомненно непосредственно въ инстинктивныхъ движенияхъ, то необходимо сформулировать несомнѣваемую волю и несомнѣваемое представление¹⁾

Вся эти гипотезы строятся по меньшей мѣрѣ съ тѣмъ недостаткомъ, что противостоятъ противъ инстинктивного метода исследования: принципъ происхождения инстинктовъ имъ выносятся за пределы опыта, какъ вѣдь имѣя такую принципъ, которую мы не можемъ употребить въ опытъ для доказательства гипотезы. Современнѣе тѣмъ явилась другая характеристика гипотезы для объясненія происхождения инстинктовъ въ животныхъ и людяхъ. Беркли старается доказать, что инстинкты происходятъ въ силу действия естественныхъ или животныхъ нервовъ (сложныхъ молекулъ); такимъ образомъ инстинкты имѣютъ причину чисто материальную въ своемъ основаніи. Они выражаются такимъ образомъ; инстинкты съ низкотого рода возбужденіе, происходящее по законамъ матеріи и чувствительности. Другая взгляды на причину инстинктовъ въ той или другой формѣ раздѣляются такъ естественными. Разница между первыми и послѣдними состоитъ въ томъ, что Беркли признаетъ изъ теоріи естественныхъ причинъ, естественные напоры гипотезы старается установить и оправдать въ опытѣ и наблюдении. Но изъ представленія инстинкты вытекаютъ, какъ изъ естественныхъ свойствъ, изъ организма, какъ изъ механизма. Другое:

4)

Выводить сложившійся характеръ (stimulus) въ доказательствѣ. Выводъ изъ несомнѣваемой воли и несомнѣваемого представления доказываютъ инстинкты; въ свою очередь явление инстинктовъ въ природѣ доказываетъ существованіе несомнѣваемого представления и несомнѣваемой воли. Нужно напередъ доказать, что причина инстинктовъ естественныхъ находится въ несомнѣваемой воли и несомнѣваемомъ представленіи, а не въ вѣдѣющаго неодолимо доказано не находится неодолимо.

эти рефлексы, proceeding по механическим законам.

Наконец, последняя гипотеза, поставленная для объяснения инстинктов, есть та, что инстинкты есть нечто иное, как привычка, и обращается по ассоциациям идей. Эту гипотезу впервые высказал психологической в противоположность первой Фрейд, из которых первую можно назвать психологической, второй — физиологической. Психологической теорией инстинктов держался Фрейд, а физиологической — знаменитый натуралист Кювье. Происхождение привычки понятно для нас, знаем не только явление инстинкта. Фрейд Старший, который много занимался изучением инстинктов в животных, стараясь доказать, что такие акты инстинкта животных суть ничто иное, как следствие подражания, воспитания и опыта. В доказательство он приводит то, что инстинкты всегда повторяются, и посредством привычки являются самим животным. Сюда же можно отнести также, которые инстинкты выводили из опыта и памяти.

Гипотеза физиологическая и психологическая имеют то важное преимущество перед физиологическими и психологическими гипотезами, что они исключают такие причины происхождения инстинктов, которые не имеют отношения к наследству и опыту; и, следовательно, опыту и воспитанию. Во всяком случае, благодаря изложению инстинктов, существенно связанным в связи с этими гипотезами, решение вопроса об инстинктах значительно продвинуто вперед. Из которых из изложенных соображений соединить объяснение инстинктов с теорией — физиологической и психологической. Показательно, основание инстинктов лежит в физиологической природе, но они подтверждены физиологическими психическими причинами. Животное выполняет инстинктивное действие и повторяет его по мере,

что до нас пришло, доставлять удовольствие. Нельзя не отметить, однако попытку — соединить биологизм физиологического и психологического — теории объяснения происхождения инстинктов. В самом деле, нельзя сомневаться в том, что инстинктивные действия, как они являются, суть автоматическая деятельность. С другой стороны сложнейшие инстинктивные действия и целесообразные акты так сильно обусловлены влечениями, что нельзя не отметить влияния ислезователя предполагать разумное происхождение их; след, заслуживают некое психическое принятие происхождения их. Развитием обратили тот факт, что инстинкты не всегда одинаковы, и подвержены изменениям и влиянию среды, привычек, факторов, что они несомненно авторитетны, как рефлексы, и т. д. заключают влечение и много принятие условий приспособления, только первые рефлексы.

В наше время с развитием исследования инстинктов соединено много имен натуралистов и философов Дарвина. Дарвин на основании изучения инстинктов животных поставил острейшую и широкую философскую гипотезу о постепенном прогрессе мировой жизни и связи с ней жизни существ. Эта гипотеза стоит в связи с учением его о половом отборе и наследственности инстинктов. Через наследственность инстинктов живые существа неопределимо связаны с всем прошлым и настоящим предшествующих поколений. Инстинкты суть носители ритмы и прогресса. Они носители ритмы, потому что они являются устойчивыми старое, и новое прежде, — прогресса потому что видоизменяются и совершенствуются: трудом и изобретениями поколений в приспособлении к окружающей среде, к работе, к жизни. Половой отбор родит соединяющее сохранение тех инстинктов, которые были эффективны в борьбе за существование.

Въ согл. "о происхожденіи видовъ" Дарвина вѣрно опредѣляетъ инстинкты говоря: всякій понимаетъ въ томъ діло, когда говоритъ, что инстинктъ заставляетъ кукушку перелетать съ тога на сѣверъ и класть свои яйца въ гнѣздо другаго птицъ. Изъ опредѣленій инстинктовъ, финныя преимущественно и самыя совершенныя они занимаютъ мѣсто на опредѣленіи Кюве, который сравниваетъ инстинктъ съ привычкою. Сходство инстинкта съ привычкою состоитъ въ томъ, что привычка образуетъ въ высшемъ животномъ дѣйствіе такъ-же, какъ и инстинктъ, и такъ-же является, какъ инстинктъ. Роль приобретенныя привычки состоитъ на всю жизнь, говоритъ Дарвинъ; можно указать на много другихъ свойствъ между инстинктами и привычками. Ажъ при повтореніи сдѣлаю знакомой птенцу, такъ и въ инстинктивномъ дѣйствіи одно дѣйствіе, и другое и другое, какъ-бы разнотипно. Предположимъ, говоритъ Дарвинъ, что привычка развивается по наслѣдству и сходство между инстинктомъ и привычкою было бы такъ велико, что провести различіе между ними было бы невозможно. Изъ этихъ словъ Дарвина мы видимъ, что разнотипность неограничена сопоставленіемъ инстинкта съ привычкою для формы яснаго представленія инстинкта, а обобщеніи того и другой: напаче инстинкта онъ является въ приобретенный привычку. Инстинктъ есть передѣнная по наслѣдству привычка. Но есть ли физиологическая возможность насслѣдственной передачи инстинкта? Ученіе о рефлексахъ допускаетъ такую возможность. Но обратимся сначала къ описанію привычки.

Послѣ того, что было сказано выше объ образованіи сложнаго рефлекса, не трудно объяснить происхожденіе привычки. Вѣдь такъ называемая привычка вторично-автоматическимъ дѣйствіемъ. Отъ естественнаго первоначальнаго образующаго приучающаго психическаго процесса идеальнаго представленія вещи

мний чувствъ" въ приобщеніи произвожденія инстинктовъ инстинкты совмѣстно физиологовъ и психологовъ—Миллера, Жакоби, Вирхова, Маудсли, Бэна и Спенсера.

Итакъ, объясненіе инстинкта неотнѣсено и к психологіи. Но психологія необходимо должна заниматься рѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ инстинктамъ. Между прочимъ, нѣльзя возникать ли при жизни довлѣющій инстинкты одинъ очень важный, психологическій вопросъ—откуда, передаются ли понаслѣдству вмѣстѣ съ телесобразными сложными рефлексами самыя существенныя ассоціаціи и идеи? Нѣкоторые изъ натуралистовъ, вполнѣ цѣля заимствуя Дарвина въ истолкованіи инстинктовъ, въ то-же время дѣлаютъ очень много ошибокъ понаслѣдственной передачѣ ихъ. Они дѣлаютъ больше значительнаго собственному опыту и обученію животного: Какъ дѣлаетъ индивидуумъ вновь приобретаетъ чрезъ собственныя опыты и упражненіе то, что кажется унаследованнымъ и наслѣдственнымъ въ предыдущемъ поколѣніи. Выдѣляя наслѣдственную способность къ полному отсутствію ответственности, а только осмѣловое снѣдствіе, савиная цѣля отъ осмѣловыхъ вѣдѣнійхъ цѣловый Давло въ томъ, что чрезвычайно трудно провести границу между темъ, что можно назвать наслѣдственнымъ и тѣмъ, что приобретается самими индивидуумами. Многие тѣсачи о мѣстныхъ животныихъ увѣдѣніи, говоритъ Бэна, но я не встрѣчалъ нискогда, который достигъ бы той цѣли, чтобы выдѣлѣть приобретенныя тенденціи отъ приобретенныхъ. Самъ Дарвинъ говоритъ о животномъ когда оріентіе, которое мы могли бы совершить неимамъ, какъ видѣти научны опыты, совершающіяся животными особенно молодыми въ всякого предвѣдѣніи нѣко опыта и при томъ совершающія многими особами

ми осмысливаемъ образъ въ всякомъ знаніи своемъ, то
такое дѣйствіе мы обыкновенно называемъ инстинктив-
нымъ. Но я могъ-бы показать, что ни одинъ изъ этихъ
признаковъ инстинкта не можетъ быть приложенъ ко всему
мудрству. Мотиваціи Петра Гривера была расфо-
ка или разума такою примитивнаго къ дѣйствію
или животнаго даже низшихъ. Последнее сомнѣніе
дѣлаетъ понятъ, что инстинктивные дѣйствія не могутъ
быть отожествляемы съ чистыми рефлексивными
инстинктивными естественными; только что различіе
подъ этого расфока? Конечно, ты члѣвеческая ассоци-
ація, которая предшествовала образованію при-
звизки. Можно ли сказать, что эта члѣвеческая ассо-
циация переживается понаслѣдствію? Какъ рѣшить этотъ
вопросъ? Вотъ бѣда въ примѣрѣ, что объективный
методъ есвѣ-ли много поможетъ въ рѣшеніи вопроса.
Существовать-ли члѣвеческая ассоциация при первомъ
пробужденіи инстинкта. Наложить вопросъ прямо сна-
жить отъ этого только сознаніе. Вредится найди
въ человѣкѣ такой инстинктъ, пробуждается въ него-
тѣ въ ту пору жизни, когда въ насъ развивается
ко развѣду сознаніе, что онъ можетъ дать ответъ въ
своемъ внутреннемъ состояніи, которое онъ испытываетъ
при пробужденіи инстинкта. Въ счастіи, мы имеемъ
такой инстинктъ. Это - половой инстинктъ. Что
мы знаемъ о первомъ пробужденіи этого инстинк-
та? Мы должны обратиться къ субъектамъ, которые
до пробужденія инстинкта находились въ невѣрствѣ. Та-
кіе субъекты не имѣютъ яснаго представленія опре-
мѣръ, къ которому инстинктъ направляется: субъектъ
есть освоенное возмущеніе, которое вызываетъ изъ
нѣтъ представленій и образовъ, ногаго совершенно
иныхъ, напр. представлений и образовъ религиозныхъ,

как действительного факты. Представление, связанное
 с инстинктом, является лишь тогда, когда перед субъектом
 представителю самый предмет. Таким образом, нули
 непосредственное впечатление предмета факта, чтобы
 было представлением об инстинктивном побуждении.
 Это доказывает и тот инстинкт, который предсказывает
 мне что-то. Взявшись и переставо существовать с
 перемного совершается и уловый жизни?

Нельзя не заметить здесь, что в последние время у
 физиологов стало модно вводить в объяснение открытые,
 несомненные представления и инстинкты. Но
 эти выражения физиологов не имеют впрочем смысла
 с точки зрения Тюркмана о несомненных предполо-
 жениях. Когда Тюркман говорит о несомненном
 представлении, то разумеет не что-то субъективное,
 несомненное от себя, но что-то объективное, само
 по себе существующее. Напротив, физиологи под
 несомненными инстинктами разумеют лишь не-
 логическую сторону рефлексов и инстинктов, то
 бессознательное, ритмическое движение, которое прои-
 сходит в силу внутреннего напряжения. В этом
 смысле Мандали употребляет выражение мажор-
 ных (чувствительных) инстинктов. Такие выражения
 чужды. Они употребляют, чтобы сказать нечто не-
 логическое происхождение бессознательных автома-
 тических движений. Нельзя однако не сказать, что
 такие выражения не только возбуждают недоумение
 нас. Мандали учитывает Лейбница, который говорил
 о скрытых представлениях, врожденных чинах.
 Сущности сами Мандали готовы принять метафизическое
 учение Лейбница о врожденных идеях. Но
 этим, неизбежно встретим выражения, допускающие

ица различные толкования. Вряд ли, говоря о вышедшем
всеприятии, выражаясь так: во всем вышедшем соверша-
ется сиюмизм. То же не нельзя не возражать против
такого произвольного употребления выражений,
целомыслия во известной области знаний и излагать
специальное значение, сложного философского, символичес-
кого знака. Это значить небытие, а не что-то
заключать в себе. Вообще о некотором
времени. очень часто можно встретить расхождение в
окрытых процессах. Наука едва ли может выиграть
презюмцию; напротив, можно указать на вещь, которая
принимает такая расщепления, когда вещь пере-
носится в область философских рассуждений и
общих взглядов. Тогда от невольной выключе-
ния в область сиюмизма, возмущая еще
философские представления: воображаясь скрытые миро-
вые процессы, которые кажутся таковыми.

Возвращаясь к вопросу о науке и философско-
му явлению в Германии, на которое мы указали
ли раньше и которому не дали объяснения. Это воз-
рождение учения Канта о врожденности, напоро-
ну которого стояли не только философы, но
и философы, к числу которых принадлежат
известный своим философским учением и
ценным трудом — Гельмгольц, и такие же Шер-
лов, Шлейер, Роткинский и др.

Такие указания, как мы видели, врожденное
пространство и времени, как формы нашей чувст-
венности. А так и Гельмгольц указывал противное, т.е.
что пространство и время приобретаются на-
ми из опыта. Гельмгольц отнюдь не на сторону

знания Канта те признаютъ вродженное пространство. Путь, которымъ пришелъ Гегельмольдъ къ своему о врожденности пространства — это ермнологическое исследование органовъ чувствъ и въ частности органовъ зрѣнія. Органы чувствъ и въ частности органы зрѣнія представляютъ собою чувственный механизмъ при помощи котораго совершается видящее воспріятіе. Кантъ говоритъ, что пространство существуетъ прежде опыта и обуславливаетъ опытъ, такъ-что воспріятіе совершается немате, какъ подтвержденное пространствомъ. Гегельмольдъ нахуеу, что Кантъ правъ въ своемъ ономъ зрѣніи. Видящий органъ обуславливаетъ начало ограничаціей, а эти органы чувствъ существуютъ раньше всякаго опыта. Кантъ же изъ видящихъ чувствъ представляетъ механизмъ. Этотъ механизмъ еще существуетъ, какъ чувствъ, въ то время, когда почтенная почтенная зрѣніе опыта. Этотъ механизмъ бываетъ изасядованъ въ подижей. Тимъ чужо-рожденнаго вполнѣ проясненъ левъ къ воспріятію пространства; поэтому новорожденный является способнымъ воспринимать пространство тотъ-часъ послѣ рожденія. Зрѣніе въ томъ-то передается, что были органы, когда мучимое сфатывали смеху тотъ-часъ правъ вилверисъ алица. (Текст). Того-то рода фактъ доказываетъ врожденность пространства въ смысле врожденности механизма зрѣнія.

Теперь покажу, какъ изъ обрѣзковъ сочиненій Гегельмольдъ ермнологъ рѣшился выступить въ защиту врожденности философии Канта. Въ этомъ же направлении и Ланге (Lange) выставилъ философію Канта въ своей „исторіи материализма“.

Но изъ книги Лянгъ видно, какъ трудно новыя германскія философы безусловно соблюдать весьма принципиальную философию Канта и реставрировать эту априорную философию на основаніи новыя эмпириологическія изысканія. При всёмъ стараніи быть вѣрными принципамъ основанной философии Канта, Лянгъ принужденъ былъ въ некоторыхъ пунктахъ откровенно высказать, что великій мѣръ имѣла или что она слишкомъ много утверждала. Мы съ своей стороны скажемъ, что Лянгъ и другіе въ томъ-же направленіи отстали далеко отступили отъ принциповъ философии Канта. И въ высказывавшихся мыслями пользовавшихся философовъ Канта; напр. Кюппель. Лянгъ отступаетъ отъ философии Канта въ основномъ ученіи объ априорности. Подъ формами априоріи Кантъ разумѣлъ нечто неизмѣнное, вѣчное, неизбѣжное отъ организаціи. Лянгъ такъ же, какъ и Гельмгольцъ, разумѣетъ подъ априорнымъ несомнѣтельное и неизмѣнное, а организацію съ ея механизмами, который существуетъ въ свѣтѣ раньше опыта и обуславливаетъ опытъ. „Разъ, что эмпирическое опыту, несомнѣнно обуславливается нашей организаціей, говоримъ онъ; а эта организація сама раньше опыта“. Это составляетъ произвольное толкованіе априорныхъ формъ философии Канта. Въ своемъ отступленіи отъ Канта самъ Лянгъ сознаетъ коварный обманъ. „Кантъ считалъ извѣстными отъ природы принятии припомощи мерой мысли, но въ этомъ совершенно ошибаясь великій гений, ошибаясь, какъ мѣрильникъ“, говоритъ Лянгъ. Отъ отступленія отъ принциповъ философии Канта Лянгъ отходитъ и дальше. Кантъ поправилъ эмпиризмъ, но не захотѣлъ априорныхъ, трансцендентальныхъ познаний въ общности и необходимости. Положеніе въ общности и необходимости. Лянгъ принимаетъ не иначе, какъ въ ограниченномъ. Условія познания, зависящія отъ

нашей организации, чтобы приобретаемые нами знания не были
 ходимины. Но вследствие творческих условий и слабостей явля-
 ющаяся необходимыми, так же как и они происходят из закона
 нашей природы. Для ребенка или для всякого животного понятия
 необходимы и мы не можем отнять более развитых понятий
 этой природы, сообразуясь с ее природой. Но неслыханная
 привнесение условий понятия неслыханно неслыханно
 понятий. Для взрослого или животного человека переосла-
 бить для истинными необходимыми понятиями чувства и само-
 нателья группы понятий. О пространстве и времени можно
 сказать: "принимать пространство и время число духовными
 формами и тем самым" безмаленные формы чувств, чувств,
 риз для, что ощущения группировать не по готовой
 форме, но по предмету и пространству, а наоборот,
 само представление пространства обусловливается нашими
 ощущениями. "Нельзя дальше в отступлении от
 принципов философии Канта невозможно. Какое учение
 о пространстве обрывает в основной философии Канта
 говоря о категориях Канта, можно снова вывести свой
 принцип-организацию. Категория так же обусловливает
 наша организация. В учении Канта о категориях
 можно заметить, что Кант, хотя и оторвался
 расхола от ответственности, тем не менее высказался
 в отношении ответственности и расхола происхождении издан-
 го общества человека. Не тем же самым, что Кант
 признает греховный промах, признает первоначаль-
 ную форму создания животного и человеческого, считая
 тем же как, здесь то мы стоим перед творческим про-
 блемой в отношении к этому категория Канта можно
 же обрывать на категории признания. Поэтому
 несправедливо, что Кант (судя по) относит категорию
 признания к числу условий способу восприятия. Быть
 можно можно, говорить о, наши ощущения понятийно при-

иности в механизмы рефлексивных движений и в объяснений их" Это опять не философия Канта.

Полезь представленной сейчас критики философии Канта невозможно возникать вопрос: Почему же даже и другие важные вопросы решая полагавали философия Канта? Взятъ сфедероу философии въ философии Канта? Это сфедероу сфедероу в чуждѣи о релативности (относительности) значеній и невозможности полагать въ основаніе какого значенія опыту, выходящаго изъ опыта въ значеніяхъ иррациональных въ какомъ формѣ, такими образомъ, сфедероу сфедероу во вращеніяхъ метафизикѣ, пренебрегающей опытом. Даже стара-ясь провести духъ принуждѣнъ во всей исторіи эмпириализма, самый материализмъ метафизическаго. Это привоз-ду съ собственными словами Канта, сюда относителенъ: не-существование, говоритъ Кантъ, никогда не раскроетъ вину-реннее вещи, т. е. то, что есть свойство, а можетъ служить основаніемъ для объясненія свойства. Но естественности и ненужности въ духѣ для его физическіхъ объясненій. Даже если-бы ему предлагали и испытать другое въ духѣ родѣ (напр. нравное вліяніе) то оно должно отстранить отъ и никакихъ невинности его въ разнѣ объясненій. Оно не-близкій разъ полагать въ основаніе то, что относителенъ опыту, какъ предельъ чувства и что можетъ и фактиче-сь свѣдѣть съ такими фактическими чувствами въ воспри-имчивѣ подобности опыту. Поэтъ вѣдомъ философии Канта. Современные немецкіе Кантисты (не все, а только часть указании) стремятся провести въ философію не-существо-вание, пошлѣнныя неопределенныя, которые развились въ Англии и отчасти во Франціи. Даже непосредственно шричъ Ламе, Гершене, Кант, Шенкеридр. Нѣтъ же не-существованности и такихъ значеній проникну-ть и развивались и другие философы - Кантета, Гегель и др.

говорить, что матерія исшла сущь абстракций, что вышние предельны
мы познаем только чрез сужденія, производимыя нашими чув-
ствительными органами; наше знаніе вышнихъ предметовъ не есть
знаніе непосредственное, а посредственное: мы захотѣли
отъ дѣйствія къ сужествующему или притиву; наше воспрі-
ятіе обуславливается нашими механическимъ чувствительнымъ ор-
ганомъ. Какъ какъ Какъ была ермистовичъ въ Берлиинѣ
ермистовъ, воставившій противъ метафизики и высказавши-
ся въ пользу относительности нашихъ знаній и познаний, то
къ нему-то и примкнула группа современныхъ немецкихъ
позитивныхъ мыслителей; примкнула не только, какъ мы
видѣли выше, и наслою, но сколько Конръ острѣе въберовъ
скандинавской ермистовичъ. Она и другихъ позитивныхъ ермистовъ
сродъ Англич, видѣли-ли-ли примкнулы этой ермистовичъ
сообразно съ современнымъ ермистовичъ-материализмомъ
даніемъ.

Современное рѣшеніе вопроса о вѣрности (натурности)
представляетъ соединеніе ученія Канта и Юма. Направленіе
такому рѣшенію вопроса о вѣрности учено мовшимъ

Примеч. Другой берлинскій философъ Людвигъ Реймохъ тоже
высказываясь опредѣлять естествознаніе. Наша теорія
модъ не свободна отъ противорѣчій. Тутъ предметъ, съ котораго
матерія не можетъ быть фактомъ? А что-бы могло не
быть можетъ быть фактомъ, какого-то. Занимаетъ истинность
странство. Если-же мы вѣруемъ въ единичности понятии
что существуя только сны, неимѣющія опредѣлен-
наго пункта въ пространствѣ, то невольничья дѣйствіе
оныхъ сны. Какимъ об. сны дѣйствуютъ на дѣлающаго
познати? Объяснить такого рода противорѣчій не трудно.
Оно берется на нашей неспособности представить что-либо
кроме того, что изложено нами или чрезъ вышнія чувства

материальных редукциях и инстинктов. Механизм нервной системы и устройство чувствительных органов врожденной психической индивидуальности. Они существуют раньше всякого опыта в форме инстинктивных и обуславливающих опыту. Но они несущественны раньше опыта в роде (детей) существа, оно постепенно образовывалась, создавалась и приспособлялась через опыты под влиянием различных внешних условий и закона самосовершенствования, действующего во всех индивидуальных родах. Механизм психической формы создавался постепенно из элементарнейших элементов во Франции и доселе возбуждает споры среди ученых, склоняются преимущественно на сторону врожденности, другие на преимущественно на сторону опыта. Особливо сильно занимают изыскателей вопросы о восприятии органов зрения и происхождения зрения пространства. Но мы занимаемся только впервое. Во Франции такая постановка вопроса о происхождении пространства сродни Стендэлю, в котором уже видел впереди.

Другая часть психологического труда Бюна есть чтение одних. Второй части посвящены основные свойства ума и основные законы ассоциаций.

или через внутреннее чувство. Когда мы говорим о зрении матери, то выходим из представления чуждости материи, нами воспринимаемой. Если же мы (воспринимаемая) попытаемся что-либо изобразить фактически, то чувствуем затруднение при этом. Все четыре естественных и искусственных опыта во зренье. Понятный мир познаем лишь только при таком условии, если материю и сама предполагаем, как единую и неизменяемую вещь. Снова за происхождение мира, как отнесение его к космологической теории, мы встречаемся с другим неразрешимым вопросом, уже возникшим раньше, а именно о происхождении мира.